

ТЕНИ ЗА ГОРОДОМ

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Тени за городом / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-202019-3

1980 год. В окрестностях одного из городов Сибири небольшой колонией живут отбывшие наказание фашистские пособники. Местному отделению КГБ становится известно, что к одному из поселенцев под видом родственников прибывают незнакомые люди, по внешнему виду и поведению очень похожие на вражеских диверсантов. Следом за этим в городе начинаются волнения: бывшие военные преступники требуют у властей уравнивать их в правах с ветеранами Великой Отечественной войны. Те категорически против. Обстановка накаляется с каждым днем. Навести в городе порядок поручено группе спецназа «Дон» подполковника Вячеслава Богданова. Бойцы понимают, что провокаторы беспорядков — не простые хулиганы, а значит, схватка предстоит серьезная...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202019-3

© Тамоников А.А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

История эта случилась давно — в восьмидесятом году минувшего, двадцатого века. Если быть совсем точным, то в конце апреля месяца. К чему такая точность? В ней есть смысл, и это очень весомый и значимый смысл, а в чем он заключается, читателю станет понятно из дальнейшего повествования.

Есть в Сибири городок под названием Углеград. Был он и в восьмидесятые годы двадцатого века, и вообще его история уходит корнями в седую древность. Никто из местных жителей не может в точности сказать, когда именно возник этот городок. Даже местные ученые и те теряются в догадках. Ну а что вы хотите? Это Сибирь. Здесь города зачастую возникали без всякого, так сказать, документального сопровождения. Какие могли быть документы в этих диких и необжитых краях? Пришла нужда — люди и организовали поселение. Очень может быть, что вначале это была простая заимка, затем — хуторок, дальше — село, а затем уже дошло и до города. Ну а документы — что ж? Документы — постольку-поскольку. Во многих сибирских городах их история передается легендар-

ным образом — из поколения в поколение и из уст в уста. Но такой способ, конечно, не слишком надежен. Люди уходят, предания забываются...

Впрочем, речь в данном случае будет идти не об истории города Углеграда. А о тех событиях, которые произошли в нем в восьмидесятом году двадцатого века. Хотя, конечно, будь это какой-нибудь другой город, то возможно, этих событий и не было бы. Или они бы развивались совсем не так, как это случилось в Углеграде.

Поэтому следует хотя бы вкратце сказать — в чем, так сказать, суть и смысл города Углеграда. Издавна в нем добывали каменный уголь. Собственно, город и возник потому, что под ним испокон веку имелись просто-таки неисчерпаемые угольные залежи. Другого смысла возводить город в этих не слишком приветливых краях просто не было. Итак, внизу, под землей, — уголь, а сверху — город. Оттого-то и название у него соответствующее — Углеград.

Город возводился по известному принципу. Вырыли в каком-то месте угольную шахту — тотчас же вокруг нее начинал селиться народ. Строились дома, магазины, школы, больницы, дворцы культуры... Не сразу, конечно, а постепенно, но вместе с тем целеустремленно и неуклонно. В тех домах жили люди, работавшие в шахте, в тех больницах они лечились, в те школы ходили их дети, в тех дворцах культуры народ веселился, плясал и пел после окончания нелегкой шахтерской смены...

Шахт в округе было немало, и вокруг каждой из них рано или поздно возникал поселок. Постепенно таких поселков образовалось множество. Каждый из них имел свое название — такое же, как и шахта. Допустим, шахта называлась Черная Гора — так же называли и поселок вокруг нее. А если, допустим, шахта называлась Каменка, то и поселок непременно назывался так же.

По-своему это было удобно и понятно и к тому же позволяло ориентироваться в круговерти и хитросплетении множества поселков. Особенно — почтальонам. Долгое время в поселках не было не то что названий улиц, но даже самих улиц не было — в том смысле и в том виде, в котором они обычно существуют. Народ возводил себе жилища произвольным, творческим образом. Выбрал человек подходящее место где-нибудь на косогоре, там и поселился. А другому больше понравилось местечко в долине, под косогором. А третьему — на лужайке у речушки. Какие уж тут улицы? Поэтому адресаты и писали на конвертах: «Черная Гора, Иванову Сидору Петровичу». И все. Почтальон приносил эти письма, вываливал их ворохом в шахтовой конторе, а уж получатели разбирали их сами.

Долгое время поселки были автономными, то есть не объединенными в какую-то общую административную единицу. Но затем кто-то догадался объединить их до кучи, дав этому объединению общее название — Углеград. Так было проще всей

этой россыпью управлять, кормить народ, присматривать за порядком. И что с того, что, допустим, из поселка Веселый, где располагалась шахта под таким же названием, до, предположим, поселка Каменка ехать было полдня на телеге? Все равно это был самый настоящий город, а не ералаш из отдельных, никак друг с другом не связанных поселков. Соответственно и жизнь в Углеграде стала меняться в другую, лучшую сторону. Тут тебе и школы, и больницы, и магазины, и кино. Известно, в городе жить веселее.

Углеград возник еще до войны, и это был веселый, юный и задорный город. А вот когда началась война, все, конечно, изменилось. Мужчины ушли воевать, их место в шахтовых забоях заняли женщины, дети, лошади...

А еще — заключенные. Потому что в окрестностях Углеграда с самого начала стали возводиться тюрьмы и колонии. К началу войны они окружали Углеград плотным кольцом, а некоторые колонии и лагеря располагались прямо посреди поселков — едва ли не в самом их центре. Для кого они возводились в таком количестве? Известно, для кого. Отбывали в них сроки и те, кого называли политическими, и уголовники, и кого только не было.

Селились здесь и те, кого называли «кулацкими элементами». Впрочем, в Углеграде их называли несколько иначе: «раскулаченными элементами». Обитали они не в лагерях и не в тюрьмах, для них возвели специальный поселок, состоящий

сплошь из наспех слепленных деревянных бараков. Не мудрствуя лукаво, поселку дали название — Кулацкий. «Раскулаченные элементы», эти исконные хлеборобы, вынуждены были трудиться в шахтах — иного способа добыть кусок хлеба власти им не предоставляли. Да и где они могли здесь хлебопашествовать, когда кругом сплошные изрытые косогоры, а за ними — сплошная непроходимая тайга?

Так вот. С началом войны в шахты стали загонять всех, в том числе и раскулаченных, и уголовников. Стране требовался уголь, как можно больше угля, потому что уголь необходим при производстве танков, пушек, снарядов и патронов, которые нужны для победы. «Элементы» трудились в шахтах добросовестно — они буквально-таки на генетическом уровне не представляли, как это можно: жить и не работать. Чего не скажешь об уголовниках. У этой публики генетика была совсем другая — противоположная.

После того как стало ясно, что победа в войне останется за Советским Союзом, на угледарских шахтах стало чуть легче. Сюда во множестве стали прибывать военнопленные немцы. Понятно, что никто при этом не разбирался, умеет ли вчерашний фашист и душегуб рубить уголек. Их просто всем скопом загоняли в шахты, и там, под землей, они волей-неволей становились проходчиками, забойщиками, доставщиками, конононами...

После окончания войны в Углеграде появилась и вовсе доселе невиданная публика — банде-

ровцы. Их было немало. Часть из них помещали в охраняемые лагеря, другая же часть жила относительно свободно — в специально построенном для них барачном поселке, который, следуя давним угледарским традициям, так и называли — поселок Бандеровский.

В основном эти люди также трудились на шахтах: отказываться работать они не могли и не имели права. Да и потом — как бы они жили, если бы не работали? В Углеграде так им и сказали: не хотите умереть с голоду — ступайте на шахты. Возражения не принимаются. Все, кто станет возражать, завтра же окажутся за решеткой и колючей проволокой.

* * *

Шли годы, страна, в том числе и город Углеград, залечивали нанесенные войной раны. Постепенно, эшелон за эшелоном отбыли из города военнопленные немцы. Поговаривали, что обратно в Германию — восстанавливать свою истерзанную войной родину.

Лагерь с заключенными-уголовниками вокруг Углеграда также стало заметно меньше.

Постепенно и незаметно стали исчезать из города и «раскулаченные элементы». Некоторые из них отбыли обратно в те места, откуда их в свое время выселили, но большинство просто перебрались из поселка Кулацкий в какие-то другие места. Кто — в окрестные деревни, кто поселился в дру-

гой части города. Ну а куда им было деваться? Что их ждало в тех краях, откуда их выселили? Пепелище во всех смыслах этого понятия. Тяжело возвращаться на пепелище. Прав ты или виноват перед людьми, своей совестью и законом, а все равно — тяжело. Вот и расселились бывшие «элементы» по окрестным весям. Поселок между тем так и продолжал именоваться — Кулацкий.

А вот что касается бандеровцев, то тут дело обстояло несколько иначе. Отсидев свои сроки в окрестных угледарских лагерях, эти люди даже не пытались вернуться в свои родные места. Не то чтобы они не имели права на возвращение — закон им это позволял. Однако помимо официального закона есть еще и другой закон, который можно назвать законом обстоятельств или, если угодно, законом совести. Иначе говоря, бывшие бандеровцы просто опасались возвращаться на свою родину. Некоторые — а таких были единицы — все же рисковали и уезжали из Углеграда, но большинство ни о каких отъездах и переездах даже не помышляли. Они боялись. Боялись того, что там, на родине, их узнают, а узнав, вспомнят и о том зле, которое они творили. И что тогда? А тогда могло стать все что угодно. Оправдываться? Ссылаться на то, что такое было время? Говорить о своих убеждениях? Ну какие же это оправдания? Там, где кровь, — там не может быть никаких оправданий. Нет на свете ничего тяжелее, чем пролитая человеческая кровь.

Оттого эти люди и не помышляли о возвращении на свою бывшую родину. Но и раствориться среди людей и весей наподобие бывших «кулацких элементов» они также не желали. Или не могли в силу собственной психологии и из-за своего отношения к действительности. Они продолжали жить в Углеграде, но жили обособленно, отдельной группой.

Местом их жительства все так же был поселок Бандеровский, но теперь это было уже не официальное, а обиходное название. На самом деле бывший поселок Бандеровский уже давно стал частью городского микрорайона Каменка, но народ с прежним упорством называл этот закуток именно Бандеровским поселком. Да и как его было называть иначе? Для этого не было никаких весомых аргументов и оснований. Чужие в этом поселке почти не появлялись, им здесь были не рады, их не встречали и не вступали с ними в беседы. Даже воды из колодца и то нельзя было зачерпнуть постороннему человеку! И уж разумеется, редко-редко какая-нибудь девица из поселка осмеливалась выходить замуж без родительского позволения не за своего, а чужого парня — а согласия на это родители не давали. То же самое касалось и парня: он также редко когда рисковал брать в жены девушку откуда-то извне. Конечно, случалось всякое, однако тех девушек и тех парней, которые пошли против родительской воли, просто изгнали из поселка, отрекались от них и забывали

о них — будто бунтарей и вовсе никогда не было на свете.

К официальным властям обитатели поселка относились с большой настороженностью. То есть старались свести общение к минимуму, а то и вовсе обойтись без него. Поэтому-то и местному участковому инспектору сложновато приходилось, если он по какой-нибудь служебной надобности заворачивал в поселок.

Впрочем, обычно таких надобностей у участкового не возникало. Что бы в Бандеровском поселке ни происходило — ничего его обитатели никогда не выносили наружу, все решалось в своем узком кругу. А уж что там творилось на самом деле, того никто из посторонних не знал. Убийств или каких-то громких краж там не случалось вовсе. Даже мелких хулиганств по пьяному делу и тех не было. Потому участковый и не забредал в Бандеровский поселок.

Да, обитатели поселка Бандеровский работали, без этого никак. И, между прочим, трудились исправно и дисциплинированно, особых нареканий со стороны начальства к ним не было.

Что же касается отношения к бывшим бандеровцам со стороны прочих жителей Каменки, да и Углеграда в целом, то это особый разговор. Кто-то их сторонился, кто-то втайне ненавидел, но большинство относились с равнодушной терпимостью. Иначе, наверно, и быть не могло. Люди есть люди, и никто из людей не может жить, испыты-

вая к соседу постоянную ненависть, кем бы этот сосед ни был. Да к тому же самые разные люди проживали в Углеграде — так распорядилась история и так сложилась судьба. А потому приходилось уживаться.

Словом, никому бывшие бандеровцы, обосновавшиеся в Углеграде, не доставляли особых хлопот. Живут себе и живут. Пускай живут как хотят, лишь бы не причиняли никому зла. Самим себе — пускай причиняют, если хотят, а всем прочим — не надо.

ГЛАВА 2

Впрочем, все это — необходимая прелюдия к тем событиям, которые случились в городе Углеграде в конце апреля тысяча девятьсот восьмидесятого года. Сами же события начались не в Углеграде, а очень от него далеко, в буквальном смысле на другом конце света. Точнее — в Соединенных Штатах Америки. Здесь в одном из городов, в одном из кабинетов мрачного серого здания состоялось важное совещание. Совещались солидные и значительные чины, и все они имели отношение к американской разведке. А если точнее, к тому подразделению разведки, которое занималось всяческими провокациями во всех концах земного шара.

Впрочем, на этот раз обо всех концах Земли на совещании речь не велась. Говорили лишь об одной части планеты, а именно о Советском Союзе. Почему о Советском Союзе? Потому что имелся повод, и это был очень весомый повод.

Разговор начал некий седовласый субъект с властным лицом и такими же властными манерами. Все прочие, присутствовавшие на совещании, называли его генералом, из чего следует, что таковым он, вероятно, и являлся.